

Вадим Барщевский

# Тогда и получают СТИХИ...

Избранные стихотворения, 1967–2005

Минск  
Издатель Змицер Колас  
2017

УДК 821.161.3-1  
ББК 84(4Бел)-5  
Б26

Рецензент и редактор Владимир Некляев

На 1-й странице обложки использована  
фотография гобелена Светланы Баранковской (Витебск).

На последней странице обложки использована гравюра  
Евгения Шатохина «Портрет Вадима Барщевского» (2004).

**ISBN 978-985-7164-??-?**

©Барщевский В. П., 2017.

©Оформление. Издатель Змицер  
Колас, 2017.

\*\*\*

Там где-то далеко блестит огнями Полоцк,  
Там

где-то

далеко

друзья и отчий дом.

А здесь –

лишь ночь и дождь,

да ветер треплет волос

Рябин седых за выпуклым окном.

Там, вдалеке, есть ты –

моя мечта и счастье.

А здесь –

лишь старый клуб

да с хрипотцой баян,

девчонок беглый взгляд,

осеннее ненастье

и надоевший всем, но ласковый обман.

Приди ко мне сейчас,

угрюмой черной ночью.

Во сне – не наяву – явись,

хоть бы на час.

Да,

если б знала ты,

как могут здесь помочь мне

глядящие в меня зрачки любимых глаз.

1967

\*\*\*

Изломанные ладони,  
сложенные крыла...  
Слишком поздно я понял,  
что любовь ушла.

Взметнувшаяся над откосом  
в смертельную синеву,  
она превратилась в березку,  
теряющую листву.

Последний отчаянный листик,  
трепыхнувшись, застыл  
в воздухе звонком и чистом...  
И я не остановил.

Дверь закрылась со скрипом,  
легкий шажок с крыльца!  
Расплывается криком  
дымок твоего лица.

Я ведь немножко гордый...  
Я ведь могу и сам...

Взметнувшись над черным городом,  
листик упал к ногам.

1971

\*\*\*

Елене

Ты ушла по асфальту серому,  
мстя походкой и позой мстя.

А я верую,

слышишь, верую

и смеюсь, как дитя.

Ты ушла.

## Ветерок проснется

и осушит твое лицо.

На пожухлых лугах пасется

сердце жертвенною овцой.

Ты ушла.

Что-то сразу оборвалось.

Звезды кружатся вихрем праздным.

Праздник? –

Вышел весь. —

ТОЛЬКО ЗЛОСТЬ.

Грязно...

Всюду грязь.

# Всюду липкой мглой

окружают и обезоруживают.

Я смеюсь – значит, я живой.

## Но кому это нужно?

\*\*\*

Лосиный след тянулся очень долго,  
заканчиваясь кровью на снегу.

И, оцетинясь стрелами иголок,  
по лесу елки разносили гул.

Земля ждала весны и птичьих песен,  
незримо в почках бушевала страсть...

И, поражаясь чистоте небесной,  
хотелось громко выругаться всласть  
на тесноту прокуренной квартиры,  
на лень и на работу без конца,  
на вечность света, бесконечность мира,  
на бледный цвет усталого лица,  
на то, что ты всегда жил с чувством долга,  
на то, что вечно перед всем в долгу...

Лосиный след тянулся очень долго,  
заканчиваясь кровью на снегу!

1972

\*\*\*

В слезах ресницы длинные.  
О, счастье покаянное!  
Мария Магдалина  
с картины Тициана.

Страстию отмеченная,  
вечным ожиданием,  
распутнейшая женщина  
вдруг вошла в сознание.

Аживая, бесчестная,  
покаяньем гаснет  
распутнейшая женщина.  
Как же ты прекрасна!

Полуудивленная  
взметнувшеюся бровью,  
одохотворенная  
последнею любовью,

падшая и чистая,  
чистая и падшая...  
Не тебя ль освистывать,  
Золушка пропавшая!

Над ханжеством, над пропастью...  
Ну кто тебя осудит!  
Позабудешь прошлое,  
если Он забудет.

1972

\*\*\*

Я когда-то растаю во мгле,  
растворюсь, как пылинка в вечности.  
На Земле, на моей Земле  
я ни с кем не смогу больше встретиться...  
Плакать вовсе не надо –

это  
только я потеряю зрение –  
так же краски расплещет лето,  
так же дождь прозвенит весенний,  
так же грустно обронит осень  
красноватые кленов листья...  
Уходя, мы с собой уносим  
только светлое, только чистое.  
Уходя, мы становимся лучше,  
что б ни делали, что б ни пели:  
там, где мучили, там, где мучились,  
обманули

или хотели...

А на сетчатой пленке глаза,  
под двумя пятаками медными,  
отпечатается жизненный разум  
на последнем мгновении.  
Словно что-то прорваться захочет  
вечным страхом столетий...

Без людей будет холодно очень,  
да никто не заметит!..

1972



\*\*\*

Не любят поэтов жены,  
и дети на них в обиде.  
Уходят по звездным тропам  
поэты к своим мечтам.  
А утром, мечтой сожженные,  
встают, ничего не видя,  
И. вместо любимых, песню  
стремятся приблизить к устам.

Скрипят отчаянно двери,  
и стулья вот-вот развалятся,  
И горы грязной посуды  
накапливаются на столе.  
Любимые в счастье не верят,  
о прошлом устало каются...  
Они же о вечности думают,  
о *чьей-то* беде на земле.

Однажды замкнутся жены,  
уйдут к веселым и сильным;  
И дети забудут отчество;  
и дом опустеет.  
И мир  
Сомкнется вдруг, потрясенный  
до дна тишиною могильной  
Над логовом одиночества  
в один прозревания миг.

И сущее всё обрушится,  
и вера покажется болью,  
И травы сквозь пол и стены  
пробьются земной бедой.  
И раскрошатся души  
пронзающею любовью  
К ней, к недоступной, вечной,  
потерянной и дорогой.  
  
Прости мне мои тревоги  
и мир далекий и зыбкий.  
Прости, что я пить пытался  
росу из весенних цветков!  
...Стою один на дороге  
с тлеющею улыбкой  
Среди оголтелого мира,  
среди застывших веков.

1973

\*\*\*

Какого черта с неба снова  
среди апреля этот снег!  
Он вырвался, как злое слово,  
что сплюнул желчный человек.

И день ненужным стал и нудным,  
и руки опускаешь... Вдох  
становится болезненным и трудным,  
и выдох хрипом изнемог.

А ведь вчера, пронзая светом,  
волнуя чувства, тормоша,  
весна несла на крыльях в лето,  
и пела чуткая душа.

И лось летел в порыве скерцо,  
легко неся рога свои.  
И боль, и стон, и песня смерти  
рождались только для любви.

И воробьи, взъерошась, пели  
во славу солнышка и дня.  
И синие глаза глядели,  
еще с любовью, на меня.

1974

## Осень

# I

В дубовье и сосенье  
откликаюсь осени.

Листья звездно кружатся...

## Кроны пестрым кружевом...

Кроме острых озимей,  
зелени немного.

Застывает в озере  
пти-чья тревога.

Солнце ниже скатится,  
вырастет, взалеет...

Отзвенело платье  
в липовой аллее.

Сердце плачет-плачется...  
А чего жалеет?

## II

Мутный туман – влажной материей,  
смутный маяк фонаря.

## Не разольется тягучей мадерой

утром над лесом заря.

Утки вчера надо мной пролетели  
к югу.

Наверно, не зря.

Серость и сырость.  
В волглости мглистой  
трудный натужный рассвет.  
Падают тихо последние листья,  
                    прячась в гниющей листве.  
Скоро морозы –  
                    звонящие искры  
                                солнца  
на хрупкой траве.

*1974*

\*\*\*

Стеклянность воздуха  
и перезвон дерев,  
хрусталь травы  
и рыжеватость пашен;  
воронье карканье,  
скворцы, стрясающие иголки инея  
на хруст пальто,  
синицы юркие,  
которые совсем уж по-хозяйски  
порядки зимние наводят по садам.  
А солнце бьется в паутине веток,  
слепя звенящей гаммою лучей.

[1974]

## ***Бубенчик***

Опять бубенчик в мерзлой темноте, –  
Ах, кто так поздно собрался в дорогу! –  
остановился, смолк. Но окрик «трогай!»  
опять всё мимо. И опять не те.

А в комнате устало ждут гостей.  
Ждет стол и стул, ждут полные стаканы,  
ждет пепельница. И хозяин, пьяный  
от ожиданий, скук и праздностей.

Нет никого.

Хотя бы кошка даже...

Лишь что-то по утрам стоит на страже,  
скрипит стекло да бесится метель,  
но, кажется, стихает понемногу.  
Ах, только бы не занесло дорогу!

Опять

бубенчик в мерзлой темноте?!

1976

\*\*\*

Снова изморось, снова дождик.  
И пейзаж за окном всё тот же –  
Лес и поле, воздух и лес.  
Разгрусти мою душу, дождик,  
Завтра мне умереть, быть может.  
В гроб сосновый меня положат  
и сосновый поставят крест...  
Распечаль мою душу, дождик.  
Мне приснится сегодня, быть может,  
мой бесенок.  
Старый мой бес.

1976



\*\*\*

Растреплет волосы ветер.  
Прощаний не надо. Прощанья глупы.  
Живет и смеется на этом свете  
где-то мой проклятый упырь.

Живет и смеется.  
А мне не до смеха.  
бутылку поставлю, себя не любя.  
Сегодня я очень хочу уехать  
туда, где нет ни его, ни тебя

Сегодня мне снова станет не больно.  
...Чайник грохочет, пляшет стакан...  
довольно... довольно... довольно... довольно...  
пьян... пьян... пьян... пьян...

Жаром руки остужу лоб пылающий –  
успокоиться б, уснуть бы, не наделать бед...  
Плохо, когда рядом нет товарищей.  
Плохо, когда рядом товарищей нет!

1976

\*\*\*

Тоска такая...

Расскажу немножко  
о том, что есть

и что хочу понять.

Так хочется кому-то закричать,  
кого-то попросить, позвать: «Морошки!»<sup>1</sup>

Пить хочется.

Вода не по нутру,  
а водка диссонансна и печальна...

Зову кого-то светлыми ночами,  
чтоб черным день не вышел поутру.

Ночь удивительна

и бархатно-беззвездна.

Сосуд запаян – буря не страшна.

Какая, к черту, может быть весна,  
когда в душе не слякотно – морозно.

Слеза прожжет паркет – и в этом суть.

А плакать, так уж плакать без причины,  
да жалко: не балуют слез мужчины,  
а всё в себе несут, в себе несут...

---

<sup>1</sup> Известно, что умирающий Александр Пушкин попросил принести ему моченой морошки. – *Прим. ред.*

[illegible]

1976

\*\*\*

Сердце мое, «цоб цобэ!»  
Снова вскрывает вены стих.  
Требовательность к себе –  
теория относительности.  
Движемся по прямой.  
(Сколько зигзагов прочерчено  
и выпрямлено).  
Стой!  
(Правильно ли всё черновыправленное?)  
Требует разум:  
иди!  
Сердца ярмо опять засупониваю.  
Что же там впереди?  
Только бы правильно,  
верно  
всё (и все?)  
поняли.

1976

\*\*\*

Как странно пишется...  
Не клеится ни фраза, ни слово;  
ни цвет, ни звук в гармонию не входят  
в душе.  
Какое-то рассоединенье  
и образов, и фактов, и метафор.  
А надо вылепить, построить слово и слог.  
Так трудно зачеркнуть готовую строку!  
Ты и не черкаешь.

Ты их оставляешь,  
пока не затеряется листок,  
пока не позабудешь эти строчки,  
пока на свет не выльется лишь та,  
которая, как будто, выражает  
и мысль, и душу, и способность мысли  
сливаться с чувством.  
И тогда, немея,  
от радости, что высказал себя,  
ты прячешь нацарапанные буквы.  
А там – через полгода, через год –  
найдешь их снова, вновь переосмыслишь,  
усталою рукой перечеркнешь  
и разродишься новыми словами  
и мыслями, и чувствами, и страстью.  
Тогда и получаются стихи.

...До следующего мига прозревания.

1976

\*\*\*

Я принес тебе боль и усталость  
Не для жалости и печали.  
Не принес тебе стон я горький  
для постыдных слов утешенья.  
Не с мольбой я к тебе, не с молитвой!

Я осенними злыми ночами,  
Отравляя себя махоркой  
Сомненья и самосомненья,  
Брел, во всём разуверясь, отчаявшись,  
В черноту, в непогоду и в старость.  
Но ведь что-то, наверно, осталось?..  
Собери меня утром на битву.

1976

## **«Из писем к другу»**

*Константину Северинцу*

Пусть ты – не гений,  
Я – не гений,  
Нам есть о чем поговорить.  
К. Северинец.

На фарфоровом звонком блюде  
Золотая вокруг кайма.  
А стихи надо мной смеются,  
А стихи меня сводят с ума.

Вдохновение, повеление,  
Заблуждения и... забвение...  
Мы, конечно, с тобой не гении  
В стихотворстве.  
Но в чем-нибудь –  
гении.

Не всегда гениально искусство –  
Заблуждений исход летальный –  
Но хорошее, доброе чувство  
На земле всегда гениально.  
Даже сваркою автогенною  
Одно слово с другим не сварить.  
Нам же можно – совсем не гениям –  
Гениально поговорить.

1977

\*\*\*

От ветра студеного  
                  не по-весеннему  
                  деревья в натуге  
                                  стонут.

В работе поденной –  
                  мое спасение,  
                  в друзьях,  
                  а други  
                                  не помнят.

Ответа тревожного  
                  мне по велению  
                  мыслей упругих  
                  флаг поднят.

У замысла ложного  
                  в повиновении  
                  стихов моих  
                  белые струги  
                                  тонут.

А ветер мочалит их,  
                  бело-лебяжьи,  
                  набухающие  
                                  водою...

Зачем вы отчалили? –  
                  Волны бьют тяжкие,  
                  карающие  
                                  бедою.



Но светел молчания –  
кто нас обяжет? –  
лик,  
призывающий  
к бою.

И только отчаяние –  
в белой рубашке  
дитя погибающее –  
соединит нас  
судьбою.

Ах, дети нечаянные, –  
грехи мои тяжкие –  
дух исцеляющие,  
стихи мои,  
я вас не стою.

1977

\*\*\*

«Восстань, пророк!»  
А что ты скажешь?  
Что людям сможешь ты предречь?  
Кого в своем безумном раже,  
в чём можешь ты предостеречь?  
Что нагадаешь,  
        что получишь  
в ответ на истину свою?  
Кому и в чём ты верно служишь?  
...И вновь в молчании стою.

1977

\*\*\*

За рекой, за лесом  
Солнышко садится.  
Что-то мне, подружки,  
Дома не сидится.  
Из песни.

Здравствуй, незнакомая!  
Сколько зим и лет!  
Не сидится дома  
в 28 лет.

Я не о взаимности:  
страсть – сума.  
Но по вашей милости  
схожу с ума.

Что-то не досказано...  
Где же медь побед? –  
На душе проказою  
28 лет.

В голубые сумерки  
звончатой весны  
отдрожали, умерли  
голубые сны.

Только за околицей,  
где трава – по грудь,  
тихо звездам молится  
розовая грусть.

На гроши растратиться!  
Годы – чередой...  
С вас срывает платице  
кто-то молодой,  
смелый и отчаянный...  
Что ему в ответ?  
Повестью печальной –  
29 лет.

\*\*\*

Дождь забвения снова смывает  
Наши утренние следы.  
Распрощайся навек со мною  
У трепещущей кромки воды.

Улетай. Ты легка и крылата,  
Лепетанье – твоя правота.  
Над устало парящей хатой  
В дымке вяжущей провода.

И растет, полыхая, лохматясь,  
Солнце в раме багровых туч.  
И прозрачность руки не схватит  
Счастья нашего меркнувший луч.

Улетай. Ты легка и крылата –  
Трепетанье пространства. А мне  
Разорвать невозможно канаты  
С миром связывающих корней.

1978

\*\*\*

Под ногами

внизу,

в долине,

винограда дурманные грозди.

Под ногами

внизу,

в долине,

свежесть ветра, нежность реки...

Отпустите меня, ребята,

что вам стоит выдернуть гвозди...

Что вам стоит? –

Сначала из правой,

а потом из левой руки.

Отпустите меня, ребята.

Я вам счастье пообещаю:

сказку неба, жизнь беззаботную,

в белых яблонях райских сады...

Подойдите ко мне, ребята,

я из вечности вас прощаю –

дайте только глоточек мутной,

разъедающей губы воды.

Вы не верите! –

Кровь по ребрам... –

Раны солью

мои посыпьте.

Чем скорее – тем лучше!  
Но всё же все слова мои  
                                                только для вас.  
Скоро тело мое успокоится,  
                                                станет прахом, шакалей сытью,  
но душа не умрет –  
и песням,  
                        верю,  
                                скоро наступит час!  
Под ногами  
                        внизу,  
                                в долине,  
                                        винограда дурманные грозди.  
Под ногами  
                        внизу,  
                                в долине,  
                                        свежесть ветра, нежность  
реки...  
– Не рыдайте,  
                        мои Марии...  
                                        сохраните ржавые гвозди...  
для музеев...  
Один  
                        из правой...  
                                а другой...  
                                        из левой...  
                                                руки...

1978

\*\*\*

Мне не выдумать лучше, чем было.  
Это больше не повторится:  
    синий сумрак застыл в деревьях,  
    звезд трепещущие маячки  
    и огромный мир заслонившие  
        полыхающие ресницы,  
    и колодезно-колыхающие  
        лунный свет  
        в глубине  
        зрачки...

1978



\*\*\*

Не виноватые. Не виноватые...  
Небо светлеет к утру.  
Годы летящие скромными датами  
в памяти это сотрут.

Только останется, только останется,  
как лепесток меж страниц,  
светлая здравица, светлая здравица  
наших предутренних птиц.

Росы звенящие, косы измятые;  
небо светлеет к утру.  
Не виноватые. Не виноватые!  
В памяти годы сотрут.

Только останется. Только останется  
в легком дымке папирос  
вечером летним  
зыбкою памятью  
запах цветов и волос.

Сколько исхожено, сколько истоптано  
лютиков и синевы.  
...Росы, калитка, домик под топодем...  
Вы!

1979

\*\*\*

Ах, как хочется заблудиться!..  
Ты сегодня в судьбу поверь.  
Скинь, березонька, платье ситцевое,  
покажи ей пример.

Три сосны, и роща прозрачная...  
Где тут тропка?  
И где судьба?  
Пропадай, моя молодость зряшная,  
облетевшего леса раба!

В обалдевшей от звона просини  
кто же будет жизни не рад?..  
Ты прости, но женщине-осени  
не к лицу твой весенний наряд.

Где теперь от судьбины скрыться?..  
Ты сегодня в нее поверь.  
Скинь, березонька, платье ситцевое,  
покажи ей пример!

1980

\*\*\*

Такую красоту нельзя боготворить –  
уж чересчур спокойна и картинна, –  
лишь приходить с улыбкою повинной  
и снегом на дубленочку сорить.

И, откликаясь эхом на слова:

«Ах, Боже мой, зима – какая прелесть!» –

О чем-то суетном шептать едва-едва  
и чувствовать в гортани фразы прелесть.

Вглядеться в ночь, мечтой поверив ей  
невысказанное, тайное, нагое;

почувствовать, что это всё сильнее,  
чем счастье, и похоже всё на горе.

И снова эхом на ее слова

сощурить заматававшиеся веки

и руку узкую поцеловать,

как делали когда-то, в оном веке,

и холодом колец уста налить,

А уходя, родить из хрупкой ветви  
мелодию. И ей одной поверить,

и только день и ночь боготворить.

1980

\*\*\*

Ушла, обидевшись, излившись  
слезами горестной любви,  
от буйных юности излишеств,  
от крика вечного: «Живи!»

Где страсти молодого тела,  
надежды, помыслы? Всё – прах...  
О Боже! Как ты поседела,  
как постарела на глазах!

Прошла по жизни, по цветенью,  
пробилась в колосе зерном.  
И вот уже царит смятенье  
во взгляде теплом и живом.

И вот уже трепещет тело  
от умертвляющего сна.  
О Боже! Как ты жить хотела,  
моя мечта, моя весна!

*1980*

\*\*\*

Я сегодня пронзительно понял  
лепет детский и женский плач:  
по весенне-зеленому полю  
важно шествует первый грач.

Остановится, поковыряет  
клювом; глянет в простор голубой.  
Он такие шаги отмеряет,  
Будто небо ведет за собой.

Потому и такой манерный –  
потому и любимец удач? –  
что он первый,  
он самый первый –  
этот, жизнь открывающий, грач.

*1974, 1981*

## *Гроза*

Гроза гроздью брызнула,  
громом-хохотом.  
Горизонтом-изгородью лес зубатится.  
И,

расколотое,  
охнет молодо

Небо,  
разлетаясь на клочья платицем  
под руками сильными.

Хватка мертвая –  
не отпустит.  
крылья пообломаны.  
И отдастся,

стихнет:  
мол, твоя.

И прольется горькое и соленое.

А кому-то вечером вдруг прозрится,  
что  
не подвенечное платье Небово  
и Перун – не муж.

И не скрыть в дожде  
то,  
что было.

А может, и не было.

## *Из детства*

Как выдуманная повесть,  
обманом трёхглазо грозя,  
вдруг накатился поезд,  
туманно слепя глаза.

И долго еще над откосом  
в полуночной черноте  
глухо бубнили колеса  
по заведенной черте.

И страшно было представить,  
что, огнями маня,  
он позабыл, оставил,  
не захватил меня.

И обидно-непрощенная  
видела долго слеза  
красные, перекошенные,  
словно чужие,  
глаза.

1981

\*\*\*

Что ж, пора бросать замашки  
должника Вселенной.

на столе моем – ромашка  
из полиэтилена.

Так красива, так похожа –  
даже запах чую...

Лепестки прекрасно тоже  
от любви врачуют.



## *Август*

Отчаянно, как по лезвию,  
лето ступает по дню.

Комбайн – машинка резвая –  
поле стрижет «под ноль».  
И сиротливо маячат  
копны в пустынной дали.

Тяжелые яблоки мячиками  
отскакивают от земли.

Криком, полным апломба,  
перебивая дрожь,  
крылья уже опробовала  
пернатая молодежь.

Кто-то рыдает картинно,  
Кто-то смеется навзрыд...  
Август ткет паутину –  
Летит.

*1981*

\*\*\*

Вот и дождался – нахлынула  
запахом клейким тепла.  
Дверь по-ребячьи захныкала  
и пропустила. Вошла,  
не представляясь, по-дружески  
руку к губам протянув...  
Сам я себе накликушествовал,  
сам я себя обманул.  
Черт меня дернул довериться  
ветру с теплом пополам,  
страстному стону деревца,  
жаворонковым мольбам,  
будущему неясному,  
красивому лишь во снах.  
...Что ж, приходи и властвуй  
в доме моем, весна.

\*\*\*

Это – такое богатство:  
наполовину сгорев,  
прийти и щекою прижаться  
к бугристой сосновой коре.

И, обхватив руками,  
липкий, смолистый стан,  
соединиться корнями,  
Братом сосновым стать;

Влиться своей тоскою  
в эту душистую медь.  
Не гробовой доскою –  
жизнью зазеленеть.

И пройдет, рассосется  
всё, что ни делал для...

Слышу:  
там сердце бьется  
будущего корабля.

*1981*

*Из цикла «Диалоги» (1981)*

\*\*\*

– Промчатся бы по грозovým степям,  
судьбу озвончив музыкой подковной,  
и перед боем целовать иконный  
лик, поверяя веру матерям.

Подняться бы над солнечной землей  
И взглядом, обнажающим и дерзким,  
мир охватить, прозрев, что люди держат  
свою узловатой пятерней.

Растаять бы кометой в млечной мгле,  
купаясь, как ребенок в мирозданье,  
и в том увидеть счастье и призванье  
живущих на обыденной земле.

Поверить бы, что нет людей плохих  
и что бессмертья

человеку  
мало!...

– А я мечтаю:

написать стихи,  
Чтоб подошли для модного журнала!

## ***Поэт***

...Сущность поэта простая –  
кликай, помни, внимли,  
чибисом охраняя  
гнездышко, поле, Землю.

\*\*\*

- А знаешь, Камю я не верю.  
Мне ближе божественный Сартр!
- Гляди, в середине апреля  
уже расцветает сад.
- ...В его подкупающей теме  
свобода души дорога...
- Ты видел, скворцы прилетели?
- Скворцы прилетели?.. Ага...

## *Рерих*

Торжественный покой  
Седой и величавый.

А. Жигулин.

Последний луч исчез за каменной оградой  
Старинного, как жизнь, монастыря.  
Лишь между крон задумчивого сада  
Лимонным золотом оплавилась заря.

И плыл туман волнистый из низины,  
И на востоке темном лес чернел,  
И где-то плакал голос лебединый,  
И где-то тихо женский голос пел.

Земля дышала – дремою объята,  
А над калиткой в неподкупной чистоте  
Покорно мучился Христос, распятый  
На каменном обломанном кресте.

Добром и радостью глаза его сияли,  
Как будто счастье видел он на небеси.  
И я хотел спросить: «За что тебя распяли?»  
Потом подумал...  
Так и не спросил.

\*\*\*

Возле реки – зябкий туман.

Робко проходит кто-то

в печальном.

Жизнь нескончаема? Это обман –  
жизнь изначально!

Мы завершаем за кругом круг  
новых побед и новых отчаяний.

Мы понимаем не сразу, не вдруг –  
жизнь изначально...

Кто там слезинку уронит в песок,  
думая больше о хоре венчальном?

Сын мой, налившийся колосок,  
жизнь – изначально.

Сад расцветет. Журавленок

взлетит,

Встреченный трепетным, чутким молчаньем.

Здравствуй, заря! И под холодом

плит

Жизнь изначально!

[1983]



\*\*\*

По вечерам иногда... на меня  
находят эти... воспоминания...

А. А. Блок. Дневник

*(Запись от 4 сентября 1917 г.)*

Припомнится пустой фольварок  
И гул рассерженный «гармат»,  
И вновь, под летним солнцем ярок,  
Возникнет Пинск, как Китеж-град,

И вновь звучат во мне те песни,  
Похожие на вечный стон.  
И вновь потянется к Полесью  
Душой истерзанною он.

Там жизнь была ясней и проще...  
И вновь покоя не дает  
Хрустальным утром среди рощи  
ползущий  
Белый пароход.

\*\*\*

Он бил женщину подлую  
взмахами резкой руки,  
чтобы больше не подняла  
озорные зрачки.

И за то, что не гордая,  
и за то, что молчит,  
он бил женщину подлую –  
не простивший обид.

За улыбки жемчужные  
неизвестно кому  
бил он женщину нужную  
лишь ему одному.

За надежды непонятые,  
потемневший лицом,  
бил он женщину подлую  
и не был подлецом.

А она улыбалась  
искалеченным ртом.

А ему всё казалось:  
будет легче потом –

что затянется прошлое  
дымкой ласковых лет...

На полу ее подлый,  
любимый портрет...

\*\*\*

Накапливается или уходит?  
Взорвусь? Запою? Истеку?  
Найти бы мне на восходе  
единственную строку.

Чтоб выплеснуть полднем душистым  
в травы, в поля, в небеса  
песню мажорно-чистую  
на разные голоса.

Такую, что дух захватит!  
И, повинясь судьбе,  
на смертно-прекрасном закате  
струны порвать в себе.

\*\*\*

Положили сына в больницу,  
напугали, заставили чувствовать  
уязвимость, опасность жизни.  
Положили сына в больницу...  
Я сегодня вспомнил родителей –  
как они волновались за нас,  
сколько им пришлось пережить  
вместе с нашими хворами, болями...  
Положили сына в больницу.  
Спят родители. Спит моя мама  
под тяжелыми гранями памятника.  
Интересно, во сколько раз  
он ее тяжелее?  
Спит отец. Ждет, когда заменим  
мы ему металлический парус  
(как ни странно, символизирующий,  
что безвременно нас покинул  
самый близкий нам человек).  
У массивного этого камня  
я без них, без моих родителей –  
не могу сказать, стариков,  
ведь они никогда ими не были –  
одинок.  
Положили сына в больницу.  
Мы, заглядывая в окошко,

говорим ему что-то веселое,  
обещаем, что скоро выпишут,  
передачи стыдливо носим...  
Положили сына в больницу.  
Он глядит на нас улыбаясь,  
говорит нам что-то веселое:  
так старается нас развлечь  
сквозь стекло, которое встало  
между ним, больным, и здоровыми  
нами.

И плечо мне колет, и пальцы немеют,  
но я весело (снова весело) говорю:  
– Мы пойдем, пожалуй. До свидания.  
После обеда будет мама.  
Пока, мой сын!

Положили сына в больницу.  
Он махнул нам рукой, отвернулся,  
взял листок и сел рисовать –  
всё машины, одни машины...  
Он боится нам сделать больно,  
потому – опять улыбается.  
Но чуть горбятся грустные плечи,  
и похож он на старого-старого  
человечка, который так много  
видел в жизни.  
– Идите, – машет.

1985

\*\*\*

Всё нормально и всё прилично:  
дом, работа, дети, жена...  
Что ты смотришь так иронично,  
улыбающаяся луна?

Не понять – виноватый ли, правый?  
То ли царь, то ли царский шут?  
Я пишу стихи не для славы...  
Черт-те знает, зачем пишу...

Чтобы день не напрасно был прожит?  
Чтобы чувствовать корень земной?  
Чтоб твоя ироничная рожа  
ухмылялась сейчас надо мной?

Может, просто ослабить душу  
И в чужую руками не лезть?  
Чтобы друг мне сказал, послушав:  
«В этом, знаешь ли, что-то есть».

И потом не столичному мэтру,  
не в журналы, где *всякий сам*,  
их отдам голубому ветру,  
улетающему к небесам.

1985–86

\*\*\*

Что не заметит молодость лихая —  
То обожают на закате дня.  
Как хорошо согреться у огня!  
Гляжу в него. Там,  
кудри обметая,

Нет ничего печальнее огня!  
Охалку дров подбросил я.  
Взлетая,

[1985-86]

## *Колесо*

Умершие встанут из гробов,  
земля колыхнется, как воды под шквалом,  
и лопнет, как скорлупа грецкого ореха.

Наступит конец.

Мгла космическая проглотит обломки  
человеческой цивилизации.

Ударит колокол.

Кто-то в белом объявит от имени

всех поколений,

Когда-либо существовавших на нашей,  
такой маленькой в мироздании,  
беззащитной, в сущности, земле.

«Конец!»

Что-то черное и мягкое обнимет

нас,

охватит ужасом – каким-то непонятым,

всеохватывающим

ужасом,

и всё растворится в мироздании,

и в нас самих.

Кто-то в белом, белой рукой  
разорвав сердца существ мыслящих,  
громко и внятно скажет:

«Конец!»



А на белой холеной руке  
блеснет бриллиантовый перстень  
с надписью:  
«Не убий».

\*\*\*

*В. Шукшину*

Отзвенело веселое лето...  
Паутина морщинок лица.  
Жизнь погасла, как сигарета,  
не докуренная до конца.

ОН сейчас почти что свободный,  
только вьется жалость чуть-чуть –  
неживой, застывший, холодный  
пепел мыслей и пепел чувств.  
И кричит журавлиная стая,  
улетающая далеко...  
Словно тоже его провожая,  
словно что-то припоминая,  
словно плача о НЕМ,  
иль о ком?..

Ни движения в лице белом,  
ни лукавинки в сетке морщин...

Как ОН мало за жизнь свою сделал,  
как он много свершил – ОН, один!..

\*\*\*

...Уходя, мы становимся лучше,  
что б ни делали, что б ни пели,  
там, где мучили, там, где мучились,  
обманули или хотели...

А на сетчатой пленке глаза  
под двумя пятаками медными  
отпечатается жизненный разум  
на последнем мгновении.

Будто что-то прорваться захочет  
вечным страхом столетий...

Одному будет холодно очень,  
да никто не заметит!..

\*\*\*

Яблоко падает с ветки,  
медленно яблоко падает,  
как в кино, при замедленной съемке,  
падает, падает, падает...  
Развернулось красным боком,  
ослепив на мгновение  
чистотою своею и свежестью,  
непочатостью и нетронутостью.

\*\*\*

Дождь так грустно капает –  
Омывает лицо.  
Захотел – звал я папою,  
Захотел – звал отцом.  
А когда уже следом  
Внуки дружно пошли,  
Звался ласково *дедом*  
Этот холмик земли.  
Фамилия, имя, отчество...  
Подкрасить уже пора.  
Мучаюсь одиночеством –  
Сын Петра.

1986

\*\*\*

Много ли видел ли, понял я  
в кабинетной тиши?

А где-то страна Япония  
и океанская ширь,

а где-то саванны и тропики,  
и баобабов твердь,  
а где-то таежными тропками  
вышагивает медведь...

Сколько еще неувиденного,  
знакомого лишь из книг...

В жизни своей обыденной  
мы не способны на крик:

молча уходит в прерии  
наш призовой бизон,  
на полуслове прервана  
сказка твоя, Робинзон.

Как на экране холодном,  
на замерзшем стекле  
жизнь моя – баба дородная –  
месит насущный хлеб.

\*\*\*

Ресторанная кутерьма:

много шума – мало ума.

Много чувства, да денег нет.

Много силы в расцвете лет!

А рука – как шея лебяжья,

с сигаретою вместо клюва...

Жажда.

Жажда.

А что это – жажда? –

Любим!

А это значит,

что мы молоды,

что мы жадны,

на пути ожидаем удачи...

Жажда женщины

славы жажда.

А она улыбнется,

мучая недосказанности отравой –

удивительная,

самая лучшая

эта женщина –

просто слава!

\*\*\*

...Отзвук прошлый, за сердце хватающий  
в оголенной печали полей  
вдруг услышал я в крике тающем  
пролетающих журавлей.  
Растекаются акварелями  
суетливо овалы лиц...  
Вот и снова с тобой постарели мы  
на одно курлыканье птиц.

*1987*



\*\*\*

А ночь ошалевшею птицею бьется в окно,  
а приступ любви к человечеству жертвенен, сладок.  
И хочется вечность прожить,  
и тревожит одно,  
что всё ведь проходит,  
и завтра – похмельный осадок.

Прости меня, Вечность,  
ведь ты же способна прощать,  
ведь только тебе Бытие подарило такую способ-  
ность.

В глазных капиллярах отчаянно  
слезы трещат –  
то шум твоих токов, то страшная наша  
бездомность.

О, ночь сумасшедшая! Что ты так рвешься ко мне?  
Я врос в эту жизнь,

я пророс в нашу землю корнями.  
Но звезды манят, трепыхаясь в знобщем окне,  
До боли знакомыми смотрят,  
родными глазами.

\*\*\*

Солнце высушит капли пота  
на усталой земле поутру.  
Я опять окунусь в работу  
и в стихи. Это тоже труд.

Часть души слагается с частью.  
Узелок с узелком свяжи:  
это всё называется счастье,  
это всё – называется жизнь.

## **Отражения**

Развивается век – дураком, зубоскал,  
Захлебнувшийся в игрищах фактов, явлений...  
Я бродил по земле и чего-то искал  
В самом честном – в обмане людских отражений.

И как будто заметил: зачем и за кем? –  
Пряча взгляд, задолжавший судьбе и свободе,  
Сумасшедший Тарковского с бритвой в руке  
Между нами все так же таинственно ходит.

Генофонд наш, пропитый, устал и зачах,  
Преклоняясь пред силой, богатством и званьем.  
Больно видеть, как в жизни, боясь палача,  
Искривляются лица, тела и сознание.

Но надежда на перемены живет.  
Пусть мой век – и песчинка грядущего века:  
Сумасшедшая бритва вскроет живот  
Отраженья – не человека.

И бессильными будут зловещий УК,  
Силовые структуры и мнения...  
Просто граждане выдадут главный Указ,  
А не их отражения.

\*\*\*

От любви до ненависти – один шаг.  
От любви до ненависти – только боль.  
Плачет в скрипке суетная душа,  
тянет руки к Богу. Не видит Бог.

Грязью поиспачкались. Где и с кем?  
К милым на свидание – как на бой.  
Узница в агонии на песке...  
Кто тебя изранил так, любовь?

Занавесью черною продрожав,  
сквознячок примчался из пустоты.  
...Позабыв названья миров, держав,  
помню: скрипка, музыка, вечность, ты.

А тоска щемящая студит лоб,  
а рука мертвеет вся от плеча...  
И восторгом вечности бьет озноб  
скрипку четвертующего скрипача.

\*\*\*

Солнце с осенью расстаться  
всё не может.  
Грех смеяться  
над увядшей красотой.  
Голый вяз, оплыв корою,  
взгромоздился над горою,  
как мудрец над суетой.  
А на вязе сиротливом  
ворон каркает строптиво:  
«Краски красят красоту?»  
Я не знаю, что ответить –  
дети вырастут, и дети  
не поймут мою мечту.  
Я молчу. А ворон кличет  
мне беду в твоём обличье –  
думает, что испугал.  
Мне бояться не пристало:  
жизнь для смерти – пьедесталом  
(это – старый мадригал).  
Листья падают уныло;  
что-то сердце защемило  
от предчувствия зимы.  
Краски выплеснутся щедро  
и развеются под ветром.  
А ведь это были мы...

Всё проходит. Все там будем.  
Смертны чувства. Смертны люди –  
профиль проплывет в гробу...  
На верхушке сиротливой  
ворон каркает строптиво  
про любовь и про судьбу.  
Он лоснится опереньем,  
он сейчас – венец творенья,  
будущего посланец.  
У него в запасе вечность,  
и над ним блестит беспечно  
то ли нимб, то ли венец.  
Это ворон – не ворона,  
Это солнце – не корона,  
Это – будущего знак.  
И поет труба протяжно,  
но растет под сердцем тяжесть –  
семя, завязь, цвет и злак.  
И распахнуты ресницы  
в синеву, навстречу птицам,  
Торопящимся домой.  
Ты обманывался, ворон!  
С жизнью я не связан – скован  
цепью, радостью земной...

## ***Рэха***

Як цябе на вуліцы стрэну –  
Падгінаюцца ногі мае.  
Ул. Караткевіч.

Ты – поўня.  
Жыццё тваё грае ў начы.  
Зямля, дай нам шанец сустрэцца.  
Хачу завітаць і дапамагчы,  
Але замірае сэрца.

Стары і нямоглы, куды тут ісці,  
Дзе прытуліцца, сагрэцца...  
Ў начы мы адны.  
І зорка, як цвік,  
Маё працінае сэрца.

Не будзе нічога...  
Душа, памаўчы!  
Твой голас пяшчотай пральецца.  
Адны мы ў Сусвеце,  
Адны мы ў начы...  
Шчыміць і заходзіцца сэрца.

2005

## **ТРЫПЦІХ**

### ***Радзіма Караткевіча***

Можам казаць:

– І мы тут былі,

Нашыя

лашчылі

галасы

Караткевічавы палі,

Караткевічавы ласы...

Дзе плынню магутнай віруе Дняпро,

Гайдаючы сонца праменне,

Усім – на святло,

усім – на дабро,

Хто тут беларус і хто... меней.

Хто шпаркай хадою прыспешвае лёс,

Юначым агнём гарыць,

А хто

жыцця свайго крыж

данёс

Амаль да вяршыні гары.

Покрываю цёплым ляглі мурагі,

Ў квітненні буе зямля.

Мы песнямі сэрцы спатоліць змаглі,

Народжанымі спакваля.



Каб подых свабоды нас не падмануў,  
Каб моц прыбывала яшчэ,  
Мы ноччу Купальскай, пад гаману,  
Палілі нячысціка ўшчэнт.  
А папараць-кветкі?  
Вядома ж, цвілі,  
Адорвалі

ўсіх

надзеямі.

І ў поўні ад радасці рогі раслі  
і акуналіся ў Дзевіна.  
Нам часу замала,

ды тут мы.

Мы – ёсць!

Прыспешваюць хвілі й гадзіны.  
Жыве Беларусь!  
Жыве маладосць  
Караткевічавай радзімы!

*2005, возера Дзевіна – Віцебск*

## **Бычкі**

Хата новая, гонтавы дах  
Сонцам ззяе ў жнівеньскі дзень...  
А бацян – незалежны птах –  
Цягне долам крыжовы цень.

Каб жыццё ўсё як ёсць адчуць,  
Рушыць пожняй у даль, напраткі.  
«Васілёк наш, здаровы будзь!» –  
Чуць, як шэпчуць яму васількі.

Можа, тут ён?  
Ды ў цуд мне не верыцца –  
Хоць і ў шчылінку зазірні –  
Разумееш: сюды ён не вернецца,  
тут не стукне ніколі дзвярмі.

Ён вышэйшы ад шаны хімер,  
Ён жывейшы за нас, мерцвякоў,  
Ён не прыйдзе пад гэты асвер,  
Ён у вечнай вандроўцы цяпер –  
Там, дзе быдла няма і паноў.

Сёння ж боль не пячэ гэтак гарача,  
Месца ў сэрцы няма для нуды.  
Бо я ведаю: з Багдановічам,  
Са Скарынам, Купалам, Драздовічам,  
З Караткевічам ён назаўжды.

*2004, Бычкі, радзіма Васіля Быкава*



## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                        |    |
|--------------------------------------------------------|----|
| *** (Там где-то далеко блестит огнями Полоцк...) ..... | 3  |
| *** (Изломанные ладони...) .....                       | 4  |
| *** (Ты ушла по асфальту серому...) .....              | 5  |
| *** (Лосиный след тянулся очень долго...) .....        | 6  |
| *** (В слезах ресницы длинные...) .....                | 7  |
| *** (Я когда-то растаю во мгле...) .....               | 8  |
| *** (Не любят поэтов жены...) .....                    | 9  |
| *** (Какого черта с неба снова...) .....               | 11 |
| Осень .....                                            | 12 |
| *** (Стеклянность воздуха и перезвон дерев...) .....   | 14 |
| Бубенчик .....                                         | 15 |
| *** (Снова изморось, снова дождик...) .....            | 16 |
| *** (Растреплет волосы ветер...) .....                 | 17 |
| *** (Тоска такая... Расскажу немножко...) .....        | 18 |
| *** (Сердце мое, «цоб цобэ!»...) .....                 | 20 |
| *** (Как странно пишется...) .....                     | 21 |
| *** (Я принес тебе боль и усталость) .....             | 22 |
| «Из писем к другу» .....                               | 23 |
| *** (От ветра студеного...) .....                      | 24 |
| *** («Восстань, пророк!» А что ты скажешь?..) .....    | 26 |
| *** (Здравствуй, незнакомая!..) .....                  | 27 |
| *** (Дождь забвения снова смывает...) .....            | 29 |
| *** (Под ногами внизу, в долине...) .....              | 30 |

|                                                 |    |
|-------------------------------------------------|----|
| *** (Мне не выдумать лучше, чем было...) .....  | 32 |
| *** (Не виноватые. Не виноватые...).....        | 33 |
| *** (Ах, как хочется заблудиться!...).....      | 34 |
| *** (Такую красоту нельзя боготворить...) ..... | 35 |
| *** (Ушла, обидевшись, излившись...) .....      | 36 |
| *** (Я сегодня пронзительно понял...) .....     | 37 |
| Гроза.....                                      | 38 |
| Из детства .....                                | 39 |
| *** (Что ж, пора бросать замашки...) .....      | 40 |
| Август.....                                     | 41 |
| *** (Вот и дождался – нахлынула...).....        | 42 |
| *** (Это – такое богатство...) .....            | 43 |
| Из цикла «Диалоги» (1981).....                  | 44 |
| *** (Промчатся бы по грозovým степям...).....   | 44 |
| Поэт .....                                      | 45 |
| *** (А знаешь, Камю я не верю...) .....         | 46 |
| Рерих .....                                     | 47 |
| *** (Возле реки – зябкий туман...).....         | 48 |
| *** (Припомнится пустой фольварок...) .....     | 49 |
| *** (Он бил женщину подлую...) .....            | 50 |
| *** (Накапливается или уходит?..) .....         | 51 |
| *** (Положили сына в больницу...) .....         | 52 |
| *** (Всё нормально и всё прилично...).....      | 54 |
| *** (Нет ничего прекраснее огня...).....        | 55 |
| Колесо .....                                    | 56 |
| *** (Отзвенело веселое лето...) .....           | 58 |
| *** (...Уходя, мы становимся лучше...).....     | 59 |

|                                                         |    |
|---------------------------------------------------------|----|
| *** (Яблоко падает с ветки...)                          | 60 |
| *** (Дождь так грустно капает...)                       | 61 |
| *** (Много ли видел ли, понял я...)                     | 62 |
| *** (Ресторанная кутерьма: много шума –<br>мало ума...) | 63 |
| *** (...Отзвук прошлый, за сердце хватающий...)         | 64 |
| *** (А ночь ошалевшею птицею бьется в окно...)          | 65 |
| *** (Солнце высушит капли пота...)                      | 66 |
| Отражения                                               | 67 |
| *** (От любви до ненависти – один шаг...)               | 68 |
| *** (Солнце с осенью расстаться всё не может...)        | 69 |
| Рэха                                                    | 71 |
| Трыпціх                                                 | 72 |
| Радзіма Караткевіча                                     | 72 |
| Бычкі                                                   | 74 |
| Вечны вандроўнік                                        | 75 |

**Барщевский, В.**

**Б26** Тогда и получают стихи... : избранные стихотворения, 1967–2005 / Вадим Петрович Барщевский. — Минск : Издатель Змицер Колас, 2017. — 80 с.  
ISBN 978-985-7164-??-?.

Небольшая подборка стихов одного из самых известных витебских независимых журналистов Вадима Барщевского (род. в 1950 г. в Полоцке), собранная под обложкой предлагаемой книги, может стать открытием для самого требовательного читателя.

Адресуется широкому кругу читателей.

**УДК 821.161.3-1**

**ББК 84(4Бел)-5**

*Литературно-художественное издание*

Вадим Барщевский

## ТОГДА И ПОЛУЧАЮТСЯ СТИХИ...

Ответственный за выпуск *Змицер Колас*.

Подписано в печать 31.01.2017. Формат 60×90 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Уч.-изд. л. 2,30. Усл. печ. л. 2,50.

Тираж 200 экз. Заказ № .

Издатель и полиграфическое исполнение  
индивидуальный предприниматель Д. Г. Колос.  
Свидетельство о государственной регистрации  
издателя, производителя, распространителя  
печатных изданий № 1/291 от 17.04.2014.  
Пр. Независимости, 105-14, 220023, Минск.